

О том, как слушал Есенина в Политехническом, поэтессе Адалис, Н.Н. Лузине, С.А. Чаплыгине и о похоронах «отца русской авиации»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-143>

🗣️ 26 ноября 1970

Собеседник

Люстерник Лазарь Аронович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 26 ноября 1970 и опубликована 4 апреля 2016.

Введение

Лазарь Люстерник — ценитель поэзии, он начинает беседу с воспоминания о чтении Сергеем Есениным «Москвы кабацкой» в Политехническом музее и анекдота о том, как стихотворная строка, приснившаяся Валерию Брюсову, стала причиной ночного переполоха. Историю московского математического кружка, интересовавшую Дувакина, описывает своим стихотворением. Рассказчик дает несколько ярких портретов — самого Николая Лузина, академика Сергея Чаплыгина, математика и механика Владимира Стеклова, математика и кораблестроителя Алексея Крылова и других.

Беседа обрывается на описании похорон инженера Николая Жуковского, на которых Лазарю Люстернику довелось присутствовать.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Пожалуйста, Лазарь Аронович.

Лазарь Аронович Люстерник: Я родился в городе Здуньская-Воля — это в русской Польше, входившей тогда в состав России — в самом конце 99-го года, в последний день.

В.Д.: 31-го?

Л.Л.: Да.

В.Д.: Значит, последний день... нет... XX-го... нет, не XX-го...

Л.Л.: XIX-го. Ну, не совсем последний.

Кончил в 18-м году смоленскую общественную гимназию. Поступил в 18-м году в Московский университет на физико-математический факультет и в Межевой институт на геодезический факультет, тогда это было возможно. Меня на геодезическом факультете увлекли карты, на которых были изображены путешествия геодезистов, романтика путешествий дальних. Фактически я стал заниматься с начала 20-го года. Я посещал Межевой институт и Университет. Но постепенно я втянулся в Университет и покинул Межевой институт, уже к 21-му году.

В.Д.: Простите. *(Перерыв в записи.)*



Лазарь Аронович Люстерник. 12 октября 1978 г., фото М.В. Радзишевской.

Л.Л.: С 22-го по 26-й я был аспирантом в университете по математике у Николая Николаевича Лузина. В 28-

м — 30-м году я был профессором Нижегородского университета. С 30-го года я профессор Московского университета. Ну, и работал в различных научных учреждениях и других вузах. Являюсь членом-корреспондентом Академии наук с 946-го года и получил Сталинскую премию, сейчас она называется...

В.Д.: ...Государственная...

Л.Л.: ...Государственная, в 46-м году. Вот краткая биография.

В.Д.: Назовите вашу тему, хотя я ее и не пойму.

Л.Л.: Работы по топологическим методам анализа. Вот краткая биография.

В.Д.: Так, пожалуйста.

О своих литературных встречах

Л.Л.: Ну, а теперь некоторые мои... я начну как раз наоборот – с некоторых литературных, мне это будет легче.

В.Д.: Пожалуйста, как вам удобнее. Расскажите о ваших литературных встречах.

Л.Л.: ...я помню выступление Есенина в Политехническом музее, когда он читал «Москва кабацкая». Это, по-моему, 23-й год, должно быть?

В.Д.: Это даже раньше, вероятно, может быть, 22-й.

Л.Л.: Ну, да. Читал... может быть, у него не было такого голоса, который бы звучал в такой аудитории, поэтому такого внешнего впечатления это не производило. Довольно было... чтение было бледное — такое у меня осталось впечатление. Я читал, что он очень хорошо читал, но это, может, было в более интимной обстановке, а здесь просто его голоса не хватало для этой громадной аудитории. Вот такое у меня довольно бледное впечатление.

В.Д.: А как студенты принимали?

Л.Л.: Я даже не знаю. Я уже не был студентом. Там была смешанная аудитория. И были несколько восторженных поклонников, которые кричали «ура», что бы он ни произносил. Вы знаете, всегда есть такие. Впечатление было смешанное. Произведение это, несомненно, выдающееся. Реакция могла быть, как вы знаете, на такое произведение очень разнообразная.

У меня осталось одно воспоминание, пожалуй, косвенное, о Брюсове, и скорее юмористическое.

В.Д.: Ну, понятно.

Л.Л.: Помню рассказ поэтессы Адалис*. Она фактически была женой Брюсова.

* Адалис — псевдоним поэтессы и переводчицы Аделины Ефимовны Ефрон (1900—1969).

В.Д.: А вы слышали ее выступление или говорили с ней самой?

Л.Л.: Нет, в домашней, в такой интимной обстановке.

В.Д.: Ах, вы знакомы были с Адалис?

Л.Л.: Да.

В.Д.: Очень интересная фигура.

Л.Л.: Да. Была она очень некрасива, страшно некрасива. Но это ничего не значит, это вопрос...

В.Д.: ...вкуса...

Л.Л.: ...вкуса, да. И вот она рассказывала так: ночью она просыпается — Брюсов... Валерий Яковлевич, кажется, да?..

В.Д.: Да.

Л.Л.: ...говорит: «Вижу лик. Лик в огне».

”

Она, не разобрав, в чем дело, выскочила в коридор — я не знаю, это что было, — и кричит: «Пожар! Спасайте Валерия Яковлевича!» И тут бросился народ в эту комнату, а Брюсов сидит и так же повторяет: «Вижу лик. Лик в огне».

Вот такой несколько...

В.Д.: Если это даже она придумала, то это очень хорошо передает...

Л.Л.: Это я рассказываю дословно то, что она рассказала.

Помню, она читала стихотворение, после смерти Брюсова, хорошее, я только не могу его воспроизвести.

В.Д.: А помните хоть одну строчку, чтоб его восстановить?

Л.Л.: Там она пишет: «Умер мой»... «любовник», кажется, и дальше было: «Оттого что был он важный коммунист». Вот я не помню...

В.Д.: Такая фраза? О Брюсове?

Л.Л.: Как фраза такая.

В.Д.: Есть такая строчка — «что был он важный коммунист».

Л.Л.: Там есть... Да, там есть такая строчка.

В.Д.: Поищу.

Л.Л.: Ну, вот я не знаю, вошло ли это в печать. Я потом читал ее переводы восточных поэтов, фарсийских. Разрешите, я... (*Перерыв в записи.*)

Надо сказать, что у нас в университете в начале 20-х годов были в моде всякие шуточные стихотворения. Например, Павел Сергеевич Александров и Урысон дословно переводили на французский язык «Ах вы, сени, мои сени!»: «Mon vestibule, mon vestibule!»

В.Д.: Хорошо.

Л.Л.: Или вот «Слезы горькие льет молодец на свой бархатный кафтан» — слово «кафтан» они «redingote» они перевели.

В.Д.: «Сюртук».

Л.Л.: Да. Потом, я помню, Румер и Ньюберг переводили на немецкий дословно «Из-за острова на стрежень», и звучало это очень смешно почему-то...

В.Д.: Вероятно, есть перевод.

Л.Л.: Есть, по всей вероятности.

Мне очень нравился тогда Маяковский, в начале 20-х годов, и не нравился почему-то Есенин. Ну, это дело вкуса. Тогда.

Я тоже участвовал в писании пародий. Помню, вышел «Парнас дыбом»*.

* Сборник пародий Э.С. Паперной, А.Г. Розенберга и А.М. Финкеля «Парнас дыбом» был напечатан харьковским издательством «Космос» в 1925 году, а потом в течение двух лет переиздавался еще трижды. Сборник вышел анонимно, а при переизданиях его авторы обозначали лишь свои инициалы. Загадка авторства была раскрыта лишь в 1960-е гг. (см.: Фризман Л. Второе рождение // Паперная Э.С., Розенберг А.Г., Финкель А.М. Парнас дыбом. Литературные пародии. М.: «Художественная литература», 1990, с. 5—12).

В.Д.: Помните?

Л.Л.: Да.

В.Д.: Это 26-й... (*поправляется*) 25-й год.

Л.Л.: Мы писали дополнения к этому «Парнасу дыбом» – на тему «Пошел купаться Веверлей»*.

Я написал, помню, как Есенин. Если угодно, можно...

* Третий раздел сборника «Парнас дыбом» состоял из пародий на тему анонимной шуточной баллады-пародии «Пошел купаться Веверлей».

В.Д.: Пожалуйста.

Л.Л.: Да.

Гармонист пусть пиликает злее,
Мало горя я испытал!
Голова моих ног тяжелее. Я читаю теперь «Капитал».
И, когда светит в небе месяц,
Как последний страшный суд,
Упаду, головою свесясь,
В незнакомый московский пруд.
Видно, так за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Мне пришлось в чужеземных подтяжках
В Патриаршем пруду помирать.
Покривилась моя избушка,
И оглохли верные псы.
Ты ушла молиться, старушка,
Где утоп непутевый сын.
Ах, измерить ли горесть эту,
Пусть разбух он и пусть пропах,
Видеть ноги сына-поэта
В лакированных башмаках.
Почернел мой нательный крестик,
Каменеет родимая плоть.
Проторчать до второго пришествия
Повелел, видно, нам Господь.

Я считаю это слабой пародией. Знаете, почему? Потому что здесь самый легкий способ: берутся готовые почти строчки из произведений. Хорошая пародия должна не брать ничего готового, а просто писать в духе писателя.

В.Д.: Строго говоря, это вообще не пародия, а подражание, потому что пародия — это всегда какое-то орудие уже драки литературной.

Л.Л.: Да, это...

В.Д.: Пародия на Гомера — это нельзя сказать, [что] пародия.

Л.Л.: Да. Не пародия, да. Ну, это было очень тогда модно...

В.Д.: Это литературная игра.

Л.Л.: ...и этим мы увлекались.

”

Там даже был и милицейский протокол на это приключение Веверлея, и евангельская притча на эту тему, и так далее, и так далее.

В.Д.: И что же – Павел Сергеевич [Александров] тоже стихи писал?

Л.Л.: Нет. Я с ним тогда мало общался, в те годы. Были разные математические компании: в той, где я участвовал, — там было такое литературное увлечение.



Нина Карловна Бари

В.Д.: Кто еще с вами учился из ставших крупными математиками?

Л.Л.: Нина Карловна Бари.

В.Д.: Как фамилия?

Л.Л.: Нина Карловна Бари.

В.Д.: Бари. Она жива?

Л.Л.: Нет. Физик Борис Владимирович Дерягин. Моих сокурсников очень мало осталось в живых.

Впечатления об университете. «Молодая Лузитания»

Л.Л. Ну, теперь...

В.Д.: Вот о самом университете.

Л.Л.: Университет. Во-первых, первое впечатление от университета, которое я имел, — это зверски собачий холод. Холод был такой... Он не отапливался в течение долгого времени. Даже не сразу удалось наладить отопление университета. Так что мы сидели в полушубках, во всем зимнем. Я помню, на нас производило большое впечатление, когда профессор Лузин приходил, снимал с себя все, и перчатки, и в сюртуке продолжал в этой холодной аудитории читать так, как полагается. Это производило большое впечатление.

В.Д.: Воспитательное значение.

Л.Л.: Да. И это очень сразу располагало к нему. Даже то обстоятельство, что его теории были очень абстрактны и очень далеки от действительности, в такой суровой действительности, тоже имело какое-то [значение]...



Николай Николаевич Лузин

Надо сказать, что студентов было тогда мало. Например, у такого ученого крупного, как Чаплыгин, был один студент — Минаков. Позже он был профессором механики. И Чаплыгин его умучивал, заставляя решать трудные задачи. Он один был студентом у него.

В.Д.: Но это в каком-то спецкурсе, семинаре?

Л.Л.: Нет, на основном курсе механики, но так мало было реально посещавших студентов, что держался весь курс... У нас даже было так, что профессор Лахтин читал курс теории вероятностей, и для того, чтобы он не был перед пустой аудиторией, мы по очереди посещали его лекции. Дело в том, что его лекции — можно было получить записи этих лекций, он диктовал. Так что лишнее время сидеть в холодной аудитории никому не хотелось, но чтобы не оставить старого профессора перед пустой аудиторией, у нас была очередь на слушание лекции.

В.Д.: Мы тоже так делали.

Л.Л.: Да. И вот я об этом в своих воспоминаниях писал, что это была первая общественная нагрузка, которую я имел вообще в Московском университете — это слушать лекции профессора Лахтина*.

* См.: Люстерник Л.А. Молодость московской математической школы // «Успехи математических наук», 1967, т.22, вып.2, с.200.

Но несмотря на все это, это были годы, когда становилась советская математическая школа, именно в эти годы. Дело в том, что математика, теоретическая математика, в отличие от механики, не имела большого прошлого в Москве, в отличие от Петербурга. И фактически она создана в основном после революции и закладывалась она как раз на протяжении 20-х годов, с самого начала 20-го года. И это очень важно. Тогда наибольшим успехом пользовался Лузин, и его школа, его окружение, называло себя «Молодая Лузитания».

В.Д.: Ага. Хорошо.

Л.Л.: Слово «Лузитания» вот отсюда... Оно вошла даже в историю науки, это название — «Лузитания». Это был пароход, потопленный в 16-м году...

В.Д.: В 15-м.

Л.Л.: ...в 15-м, из-за которого... Это американский пароход, а до этого Лузитания — это, кажется, римская провинция в нынешней Португалии... Ну, мы в это не вда[емся].

В.Д.: Из-за звучания.

Л.Л.: Звучало это красиво, и даже это называлось «Орден Лузитания».

В.Д.: Хорошо. И кто же вышел [из «Лузитании»] в большие математики?

Л.Л.: Я вам назову. Ученики Лузина: Меньшов, умерший рано Суслин (он умер еще в 19-м году), это первые его ученики, Александров, Хинчин, очень известный математик, уже умерший...

В.Д.: Умер он, да?

Л.Л.: Да.

В.Д.: Он, по-моему, как раз учился с братом или учил его, не знаю.

Л.Л.: Учил скорее, да.

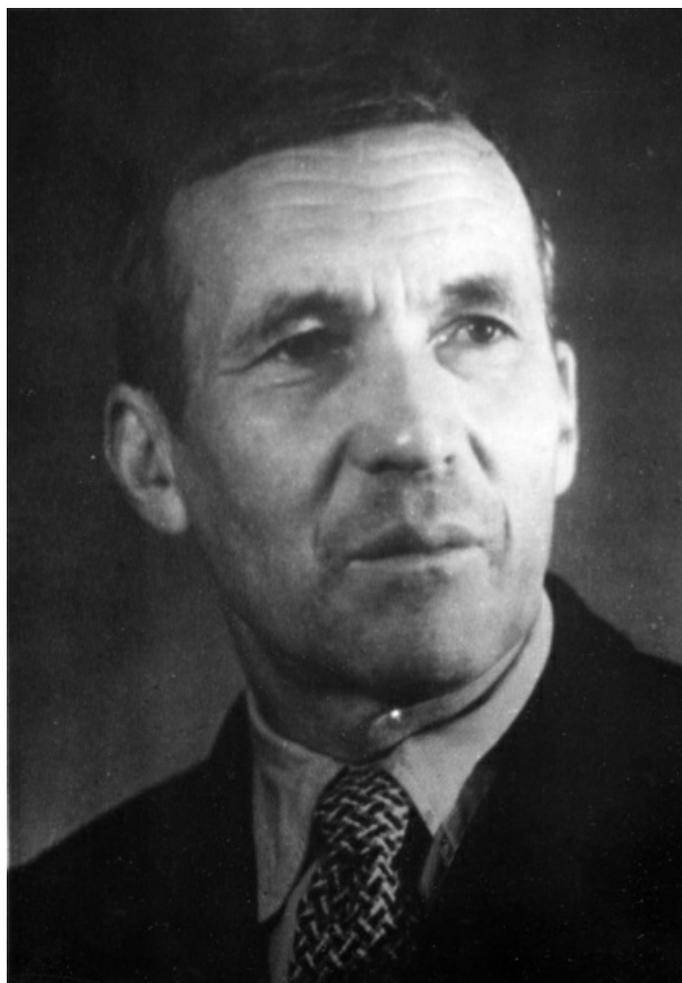
В.Д.: Учил, да.



Александр Яковлевич Хинчин

Л.Л.: Да, Хинчин. Потом Лаврентьев... Бари, Лаврентьев, Колмогоров, ныне очень знаменитый математик, Новиков, ныне академик, Келдыш Людмила Всеволодовна (это сестра). Фактически можно сказать...

В.Д.: ...что вся Лузитания вошла в науку.



Андрей Николаевич Колмогоров

Л.Л.: Да. Если взять поколение математиков, которым теперь между семьюдесятью пятью и шестьдесятью пятью годами, то в основном она... Это было не очень продолжительное время расцвета «Лузитании», как-то она распалась потом, люди ушли в разные стороны, но она оставила большой след в науке.



Михаил Алексеевич Лаврентьев

Когда я лежал в больнице, мне запретили заниматься. Тогда я хотел писать воспоминания, но мне не давали писать. Я тогда написал воспоминания об этой «Лузитании» в стихах. Если хотите...

В.Д. (с усмешкой): Вот. Пожалуйста, пожалуйста.

Л.Л.: ...я прочту это.

В.Д.: Воспоминания о «Лузитании». Это написано уже теперь, недавно?

Л.Л.: Теперь, да, то есть в 60-м году. Это было так.

Суровый двадцать первый год.

В научный двинулись поход.

Московский университет.

Хоть я пока и очень молод,

Хоть в полушубок я одет,

Но — бр-р-р, какой собачий холод!

Каток в пустынном коридоре.

Горячие здесь только споры.
Примкнул с доверием бездумным
Я к группе молодой и шумной.
Презрев классический анализ,
Здесь современным увлекались.
Пусть твой багаж не очень грузен,
Вперед, в себе уверен будь!
Великий бог профессор Лузин
Укажет нам в науке путь!
А божество уж окружало
Созвездие полубогов:
Иван Иванович Привалов,
Димитр Евгеньевич Меньшов,
И Александров островзвинченный,
И милый Павел Урысон,
И философствующий Хинчин,
И несколько других персон.
Дни легендарной Лузитании –
Дни увлечений и исканий.
Мы в Лузина все влюблены.
Его ревнуем мы друг к другу.
Блеснуть хоть маленькой должны
Математической заслугой.
Я вспоминаю каждый раз:
Волнение тебя охватит,
Когда придешь в урочный час
В его квартиру на Арбате.
Пан Млодзеевский...
(Так звали профессора Млодзеевского – ну, из-за звучания фамилии звали его «пан» студенты.)
...удивленно
Звал нас презрительно «пижоны».
Насмешек слышалось немало,
Заслуга Лузина меж тем

В том именно и заключалась,
Что, вызвав в нас такой экстаз,
Сплотил в условиях столь тяжелых
Математическую школу.
А дальше все как будто просто,
Процесс естественного роста.
Тематика все расширялась,
Своей дорогой каждый шел,
И школа Лузина распалась
На ряд блестящих новых школ.
Но был мучительно тяжелым
Процесс распада этой школы.
Держалась крепко «Лузитания»
Огромным шефа обаянием.
Один не может интеллект
Эмоциональный взять барьер,
Большую роль играл аффект.
Вот чувство дружбы, например,
Что двух П.С. соединяло...
(Это был П.С. Александров и П.С. Урысон, которые первые ушли...)

В.Д.: А второй кто?

Л.Л.: Урысон, умерший...

В.Д.: Урысон?

Л.Л.: Урысон, умерший молодым.



Павел Самуилович Урысон

...От Лузина их отдаляло,
И вот они пошли вдвоем
Топологическим путем.
(Они создали топологическую школу тогда.)
Напор эмоций в плане личном,
Пересыщение обычным,
Желанье самому быть первым
Иль расшалившиеся нервы —
Да мало ль что, но кто куда
Птенцы уходят из гнезда.
А это Лузин хоть скрывал,
Болезненно переживал*.

Ну, вот это примерно вот.

О Н.Н. Лузине

В.Д.: Лузин очень яркая фигура, вообще...

Л.Л.: Да.

В.Д.: ...насколько я знаю. Но наверно... Я не знаю, есть ли о нем книжки.

Л.Л.: Книжки — нет. Так, воспоминания — есть. Он был очень своеобразный человек, очень...

В.Д.: Вот вы о нем так немножко просто и прозой...

Л.Л.: Да, я вам скажу. Это был человек очень такой своеобразный, такой повышенной нервности. Но дело в том, что более спокойные люди и трезвые, например, Чаплыгин, не могли в трудных условиях создавать вокруг себя...

В.Д.: Коллектив.

Л.Л.: ...молодежь. Нужна была вот эта нервозность какая-то. Словом, может быть... как-то... он именно был героем таких трудных времен. Когда жизнь наладилась, его влияние как-то стало меньше. Вот это очень любопытно, что максимум его влияния... вот его влияние — это были военные годы и первые послереволюционные годы — 14-й — 24-й год. Дальше начало падать. Чем труднее времена, тем относительно его влияние возрастало. Такая нервная личность — она больше как-то привлекала, чем такие... такой крупный ученый, как Чаплыгин... Понимаете, увлечь нужно было... надо было как-то эмоционально заразить, нужно было иметь эмоциональный потенциал. Ну, мысль понятна.

Он был очень нервный человек, человек был очень противоречивый, очень сложный и противоречивый, и поэтому он возбуждал очень противоречивые эмоции, иногда переходившие от восхищения к слишком одностороннему отрицанию... Целая, можно сказать, это была интеллектуально-эмоциональная драма его отношений с учениками. Это было очень сложно.

В.Д.: Не было отталкивания потом вот у таких слоев пролетарского студенчества, что вот он барственный такой?

Л.Л.: Нет, этого... в барственности его обвинить...

В.Д.: Нельзя было обвинить?

Л.Л.: ...нельзя обвинять было. (*Телефонный звонок, перерыв в записи.*) А было такое... чрезвычайно эмоциональное отношение, и это... Словом, в некоторых случаях это помогало — в других случаях это ему мешало.

Был он прекрасный педагог. У него... я не знаю, была ли это манера или это было... Он иногда делал так — он путался, начинал говорить: «Я не знаю, как продолжать». И все начинали, старались придумать продолжение. Придумывали... кто-то придумывал... И это было...

В.Д.: Прием?

Л.Л.: ...Это было как, может быть, прием, но это была какая-то школа творчества, какая-то школа творчества. Это первое. Второе — он приучал к творчеству на очень ранних этапах, еще когда люди знали очень мало... когда их ум не был перегружен пассивно воспринятой информацией научной. А тогда это было, по-моему, очень необходимо. Дело в том, что тогда, в те годы, первые послереволюционные, было... даже иногда проявлялся дилетантизм. Люди хотели себя проявить, когда они еще не обладали

нужными знаниями. И такой дилетантизм был вреден и для людей, и для дела. А вот он нашел такую форму удачную... то есть свободную и от такой перегрузки и от оттягивания самостоятельности, и от дилетантизма — ранняя форма самостоятельной работы. Это было очень важно для того времени. Но он... фактически ушел из активной работы в университете уже так в середине 20-х годов. У него были такие отдельные подъемы такой его работы и в послевоенные годы, отдельные, но фактически уже во второй половине 20-х годов... Его расцвет – это было начало 20-х годов, именно тогда, когда в университете было холодно, когда на улицах были сугробы снега... Вот эта самая несколько романтическая суровая обстановка — он был создан для этого, а для более обыкновенной, более обычной, нормальной обстановки... его эта вот нервозность — она мешала.

В.Д.: Понятно. Простите, я вас немножко...

Л.Л.: Да.

В.Д.: ...прерву, уже по существу. В данном случае случайно я слушаю это не только отвлеченно, но и лично, потому что, я говорю, я эти имена все слышал от брата, но это немножко позже.

Л.Л.: Да.

В.Д.: Но от того, что я от него слышал, у меня нет впечатления, что во второй половине 20-х годов... что его популярность упала. Это было первое имя, которое я слышал все время: у него тоже были стихи о Лузине, какое-то...

Л.Л.: Но учеников новых уже у него...

В.Д.: А! Ну, вот это я не знаю.

Л.Л.: В этом-то было...

В.Д.: Я слышал: Лузин, и потом Мандельштам и Тамм.

Тамм, Тамм, Мандельштам.

Завтра здесь, а будет там.

Стоял вопрос о переводе в Ленинград (*смеясь*). Это вот такие вот стишки. И о Лузине было много... ряд и шуточных, и даже серьезных стихотворений.

Л.Л.: Но учеников... Лекции его пользовались огромной популярностью, но учеников он как-то новых не... почти не привлекал. В чем дело, я даже не знаю. Может быть... тут он уехал на несколько лет за границу — может быть, это сыграло, он два года был за границей. А может быть, и то, что уже появились новые направления, новая тематика, а в этих направлениях было уже тесно, уже много людей работало. Я не берусь судить, но дальше уже такой активной работы по воспитанию новых кадров у него уже... Вот такого блеска, который был вот именно...

В.Д.: Ну, что ж, вы дали очень целостный образ.

Л.Л.: Да.

О С.А. Чаплыгине

В.Д.: Кого еще вы из учителей ваших хотели бы припомнить? Чаплыгина вы лично не слушали?

Л.Л.: Чаплыгина... Я вам расскажу... поделюсь, может быть, более внешними впечатлениями о Чаплыгине. Я не слышал, но я сдавал экзамен. Помню, я сдавал экзамен — механика точки, обыкновенный экзамен.

В.Д.: Механика точки?

Л.Л.: Сначала — механика точки. Через несколько месяцев я пошел и сдал — механика системы. Он сразу мне напомнил мою фамилию. Я удивился: мой экзамен не был такой запоминающийся. Когда я спросил других студентов... Я не слишком быстро говорю?

В.Д.: Нет, пожалуйста.

Л.Л.: Когда я...

В.Д.: Вы говорите так, как вам естественно говорить.

Л.Л.: Да. Когда я спросил других студентов, они мне сказали, что у Чаплыгина такая память — он, будучи ректором Высших женских курсов, помнил наизусть всех студентов, он никогда не записывал фамилии, никогда номера телефонов не записывал, у него была феноменальная память.

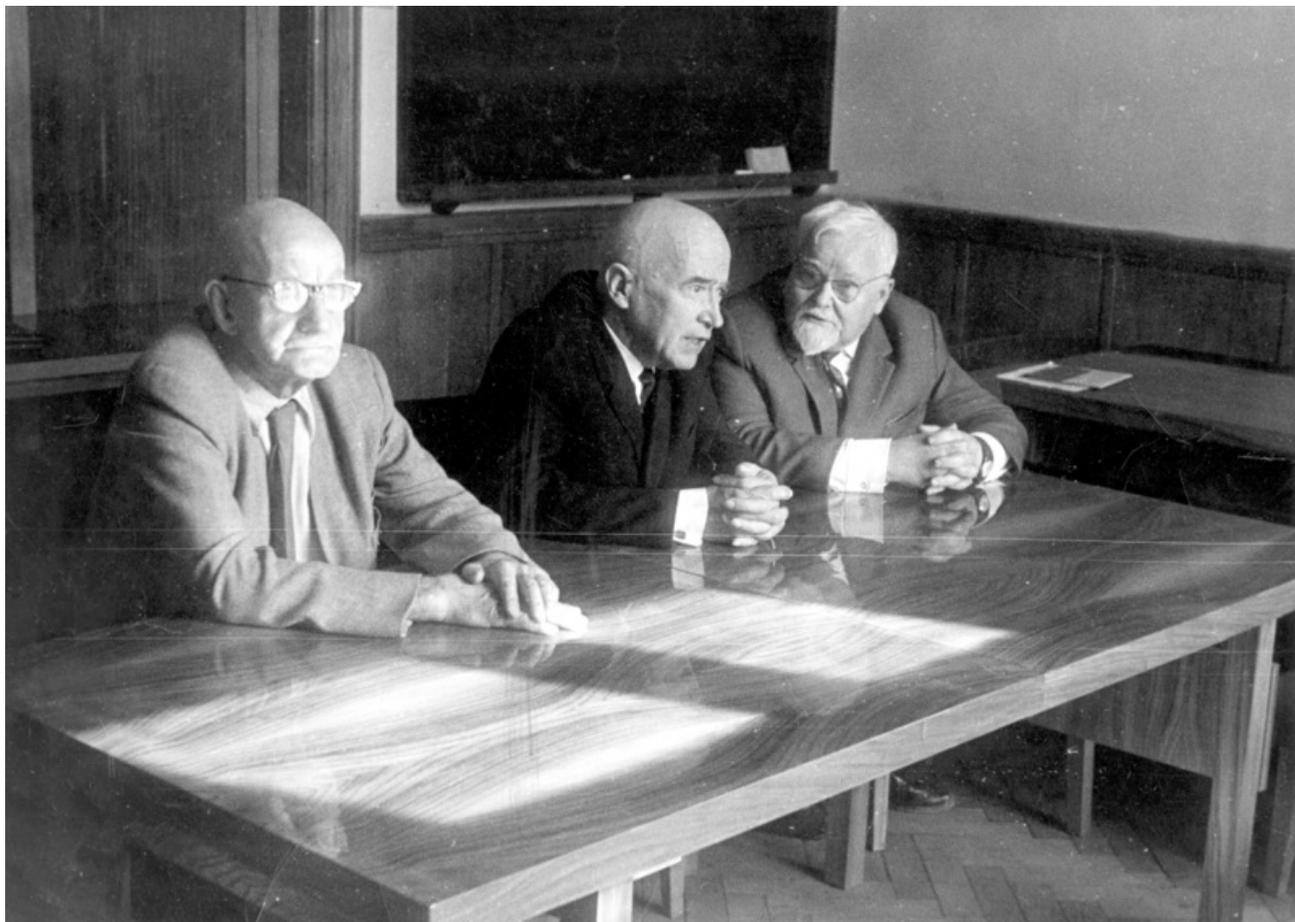
Он ушел из университета в 23-м году. Был какой-то конфликт. В чем этот конфликт был, я не знаю, но мне передавали, что он сказал такую фразу: «Я привык ходить в попах, но не в дьяконах».

В.Д.: Понятно.

Л.Л.: Смысл ясен, да.

В.Д.: ...что его отодвинули... задвинули в дьяконы, да?

Л.Л.: Ну, я не знаю, так он сказал.



Слева направо: Павел Сергеевич Александров, Иван Георгиевич Петровский, Андрей Николаевич Тихонов

В.Д.: Так ли это было?

Л.Л.: Он был, вообще, очень властный человек и умел настаивать на том, что он хотел.

В.Д.: Он не уехал? Он в Москве остался?

Л.Л.: Он был все время в Москве, только в годы войны он эвакуировался и был... там, где старики, академики были... в этом... в Сибири в этом курорте... как это?.. Я забыл.

В.Д.: А он дожил до войны разве?

Л.Л.: Он дожил до войны. Он, кажется, в 842-м...

В.Д.: Девятьсот...

Л.Л.: ...943-м году умер.

В.Д.: Во время войны.

Л.Л.: ...Войны. Но тогда не писали некрологов, поэтому это как-то прошло...

В.Д.: А-а-а.

Л.Л.: ...не заметили и так далее. Внешность у него была очень суровая такая, у Сергея Алексеевича, и был он некрасивым, но как-то значительным. А вот когда на портретах его... или даже смягчают его некрасивость, он теряет в своей значительности*.

* Л.А. Люстерник очень ярко нарисовал внешний облик С.А. Чаплыгина и в уже напечатанном варианте своих мемуаров: «Внешность С.А. Чаплыгина была своеобразной, как будто он весь состоял из углов. Он был хорошей моделью для модных тогда кубистических портретов» (Люстерник Л.А. Молодость московской математической школы // «Успехи математических наук», 1967, т.22. Вып.2, с.224).

В.Д.: Бывает.

Л.Л.: Мне нравился вот портрет Делла-Вос-Кардовской пастелью, есть у меня в биографии Жуковского его портрет. Вот там он похож.

Он был замечательным аналитиком: он в уме решал труднейшие... делал сложные такие выкладки, что другие на бумаге делали довольно долго. Ну, я тоже в этом убедился. Я недолго работал в ЦАГИ, у меня была одна задача: я составил модель глиссирования, модель физическую, и нашел приближенное такое решение по этой модели. Потом я об этом рассказал... когда я рассказал, Чаплыгин через день мне привез по этой модели точное решение. Он владел этими различными специальными функциями так, как мы все владели тригонометрией. Он был единственный в Москве так владевший этим. Но все люди, которые с ним работали, говорят одно: что при такой внешней суровости он был очень внимательный к интересам... к своим сотрудникам и так далее. Но бороться с ним было очень сложно, он был властный человек. Я не буду говорить... Вот был такой конфликт между Институтом Стеклова и Чаплыгиным.

В.Д.: Ну да, о Стеклове вы потом тоже расскажите, если вы что-то знаете.

Л.Л.: Стеклова я почти не знал, я расскажу внешне. Был конфликт такой...

В.Д.: Это все нужно.

Л.Л.: ...о докторской диссертации. В Стекловском институте были против этой диссертации.

В.Д.: А чья диссертация была?

Л.Л.: Я не назову.

В.Д.: Ну, как хотите (*усмехается*).

Л.Л.: Не стоит называть, правда. Человек этот стал потом и академиком, так что не стоит называть. Ну,

назначили в президиуме Академии наук в три часа рассмотрение этого вопроса. Явились представители из Стекловского института. Я не помню, кто тогда был президентом?

В.Д.: Комаров, вероятно, уже?

Л.Л.: Комаров, да, был. Это было в предвоенные годы.

В.Д.: Ну, Комаров долго был президентом.

Л.Л.: Да. Ждут-ждут-ждут вот эти двое наших профессоров... двое, я тоже был тогда в Стекловском институте, спрашивают: «А когда этот вопрос будет?» — «Да этот вопрос уже решен». Оказалось, в час пришел Чаплыгин и сказал... Ему сказали: «Стекловский институт просил... будет в три часа». — «А мне некогда ждать, я уезжаю». И он потребовал, чтобы тут поставили, провели эту диссертацию. Ну, а представители Стекловского института ждали-ждали, так и ничего не дождались, вопрос был решен.

В.Д.: Утвердили?

Л.Л.: Утвердили, да. Так что бороться с ним, если кто-нибудь занимал другую позицию, было очень трудно.

В.Д.: А у Стекловского института были серьезные основания возражать против диссертации?

Л.Л.: Видите ли, я не знаю — я сам далек, это было по механике, —по-моему, были основания. Не буду входить в существо этого дела, он... Во всяком случае тех, кого он не любил, те не могли никак рассчитывать, пока он был жив, попасть в Академию, по техническому отделению для них путь был закрыт.

В.Д.: Но в данном случае речь шла как раз о диссертации, которой он сочувствовал.

Л.Л.: Не о диссертации, это было о присуждении даже без диссертации.

В.Д.: А, о докторской степени...

Л.Л.: Да-да.

В.Д.: ...о докторской степеникого-то, кого он...

Л.Л.: ...кого он поддерживал, а Стекловский институт был против этой кандидатуры.

В.Д.: И в математике есть страсти и борения интересов.

Л.Л.: О господи! И какие еще! Ну, это не математика, а механика, но вот это я вам просто так приведу. Теперь... Но он был очень... Некоторые люди, например, говорили... даже сказали, что его даже можно называть было добрым в каком-то смысле, что он охотно людям шел навстречу. Он, руководил, скажем, московским отделом ЦЕКУБУ* первые годы, и он много сделал. Ну, вот это мое такое, как видите, довольно внешнее.

* Центральная комиссия по улучшению быта ученых (при Совете народных комиссаров РСФСР).

О В.А. Стеклове

Ну, Стеклов – мое впечатление (я его только видел один раз), что это такая мощная фигура, огромный такой. Ну, он немножко похож... вот я перечитывал у Репина его внешнее вот... на репинского Стасова.

В.Д.: Ага.

Л.Л.: Такой большой, с бородой, внешность такая богатырская и так далее*. Между прочим, он был родной племянник Добролюбова.

* И.Е. Репин изобразил В.В. Стасова как Гулливера среди лилипутов, описывая совместную с ним поездку по музеям Европы весной 1883 года (см.: Репин И.Е. Из воспоминаний о В.В. Стасове // Репин И.Е. Далекое близкое. Изд. 7-е. М.: «Искусство», 1964, с. 291—292).

В.Д.: Вот это не знал. Как его звали? В.А. – да? – кажется.

Л.Л.: Да. Наверно, по матери... Мать его...

В.Д.: Владимир... нет, ну, как он?..

Л.Л.: Владимир Андреевич, кажется. Ну, это он по отцу, да, а мать его, Екатерина Николаевна, кажется... в его биографии... была младшей сестрой Николая Александровича... Екатерина Александровна, кажется... была родной сестрой ...

В.Д.: Добролюбова.

Л.Л.: ...Добролюбова, то есть... и любимой сестрой. Ну, он же умер очень молодым, и Стеклов родился уже после его смерти, но пишет, что дома царил культ дяди Коли.

В.Д.: Ага.

Л.Л.: И похоронен он недалеко от могилы Добролюбова. Но это...

В.Д.: Так сказать, сплетает нити...

Л.Л.: Да.

В.Д.: ...разные культуры.

Л.Л.: Да. Ну, у него... он был в известном смысле шестидесятник, так сказать, – традиции, по философским своим убеждениям.

В.Д.: Он сам, Стеклов?

Л.Л.: Да, и он...

В.Д.: Сохранял эти традиции.

Л.Л.: В каком-то смысле. Он был такой радикал, если можно назвать, находившийся в оппозиции к царскому правительству, и в то же время такой материалист в таком... ну, в общем, у него...

В.Д.: Понятно.

Л.Л.: ...от традиций шестидесятых годов... Но это понятно даже. Он же был... он был, так сказать, непосредственно вот... Мать его переписывалась после смерти Добролюбова с Чернышевским переписывалась.

В.Д.: Это очень интересно.

Л.Л.: Да, да. Вот... И я Стеклова, повторяю...

В.Д.: Больше о нем не знаете.

Л.Л.: Я это... знаю, я читал, и рассказы знаю...

В.Д.: Но сами не общались?

Об А.Н. Крылове

Л.Л.: Сам я не общался. Мне... Я больше видел Алексея Николаевича Крылова, потому что он на старости лет...

В.Д.: Крылов тоже чистый математик?

Л.Л.: Нет, он кораблестроитель по специальности и был крупный... но он имел хорошую математическую

культуру и был... и прикладной математик. Умел ее применять и даже имел чисто математи... Это был вообще очень интересный человек и личность совершенно своеобразная.

В.Д.: Вот, пожалуйста, это тоже... это тоже имя большое.

Л.Л.: Ну, я его видел уже в старости, так что, каким он был в молодые годы... Но у него было какое-то еще озорство, у Алексея Николаевича Крылова. Когда праздновала Академия свой юбилей? Двести двадцать...

В.Д.: Двести лет?

Л.Л.: Нет, двести двадцать пять.

В.Д.: Двести лет праздновали в двадцать пятом...

Л.Л.: А потом двести двадцать пять.

В.Д.: ...а двести двадцать пять – это, значит, в пятидесятом.

Л.Л.: В сорок пятом году она двестидвадцатилетие праздновала.

В.Д.: Двестидвадцатилетие.

Л.Л.: Да. Я тогда был... работал в Стекловском институте. Является к нам... Всех зовут, где кто работал, Алексей Николаевич Крылов требует всех в кабинет директора. Ну, всех собрали, кто только был. Он говорит: «Мне вот поручение для вас, поручение от президиума Академии. Академия наук хочет праздновать свой двухсотлетний юбилей».

В.Д.: Вы говорили, двух... двести...

Л.Л.: «...Двухсотдвадцатилетний юбилей».

В.Д.: Странная дата.

Л.Л.: «Вот, — говорит, — Владимир Леонтьевич поставил перед Иосифом Виссарионовичем...»

В.Д.: Владимир Леонтьевич — это Стеклов?

Л.Л.: Нет, это... Владимир... Комаров.

В.Д.: Ах, Комаров.

Л.Л.: Да.

«...этот вопрос. Ну, Иосиф Виссарионович ему ответил: „Разные бывают юбилеи. Вот Московский университет праздновал свое стовосьмидесятипятилетие, и тогда почему Академии наук не праздновать свое двухсотдвадцатилетие?“ Владимир Леонтьевич, — кажется, так его, Комарова, — не понял иронии, пришел и организует сейчас празднование двухсотдвадцатилетия. А почему, — говорит, — люди за это взялись? Как известно, почему: кавалерии захотелось». «Кавалерией» назывались, во-первых...

В.Д.: Ордена?

Л.Л.: Да. «Кавалерии захотелось».

В.Д.: Орденов.

Л.Л.: «Впрочем, у Владимира Леонтьевича есть все знаки отличия, кроме самого высшего». Ну, все начали гадать, что есть и чего нет у Комарова. Он назвал, но только передать я сюда не решаюсь.

В.Д.: Говорите, говорите, это же...

Л.Л.: «Орлиного пера в задницу».

В.Д.: «Орлиного пера в задницу»? Как раз в устах академика хорошо звучит.

Л.Л.: «Ну, — он говорит, — теперь я уже сказал вам все. А теперь пишите, старайтесь». Вот как он пришел организовывать юбилей.

В.Д.: И что же, состоялся этот юбилей?

Л.Л.: Состоялся. Но вот...

В.Д.: И выдали «кавалерию»?

Л.Л.: Многим выдали «кавалерию» (*смеется*), всем выдали что-то такое, многие получили.

В.Д.: Значит, это вы рассказали...

Л.Л.: ...дословно, что я был свидетель.

В.Д.: Значит, вот это сказал это...

Л.Л.: Александр...

В.Д.: Алексей Николаевич...

Л.Л.: Алексей Николаевич (*вместе с Дувакиным*) Крылов. Он вообще был такой...

В.Д.: Моряк.

Л.Л.: Моряк, и еще очень любил... и, кроме того, в нем было такое... несмотря на возраст, осталось такое озорство. Ну, читайте его воспоминания — вы увидите там много таких выступлений его. Она написана великолепно, у него настоящий литературный дар. Воспоминания его... например, воспоминания его детства написаны, я скажу, так, как, скажем, «Детские годы Багрова...», может считаться одним из классических воспоминаний детства — так написано. Он очень... У него было литературное дарование*.

* Книга А.Н. Крылова «Мои воспоминания» действительно вызвала в 1950-е гг. большой читательский интерес и потому выдержала несколько изданий. Самое полное издание: Крылов А.Н. Воспоминания и очерки. М.: Издательство АН СССР, 1956.

В.Д.: Он примерно сверстник Короленки, да?

Л.Л.: Ну, он уже...

В.Д.: Короленко в пятьдесят четвертом году родился.

Л.Л.: Он позже, по-моему, он примерно родился в шестьдесят... Он был...

В.Д.: Он умер старым?

Л.Л.: Он умер, по-моему, так, в 44-м году, ему было восемьдесят с чем-то лет — ну, около... в 60-х годах. Очень своеобразная личность и очень яркая. И его вот эти воспоминания — это... Кроме того, они написаны очень живо, интересно, и масса людей, которые проходят, у него был большой жизненный опыт, и он видел много интересных людей.

В.Д.: Это очень выразительные такие медальоны получаются, портретные медальоны. Вы нашли уже, нащупали какую-то...

Л.Л.: Конечно, я говорю, что я видел Алексея Николаевича уже стариком, он уже...

В.Д.: А вот этот, простите, рассказ...

Л.Л.: Это...

В.Д. (*с усмешкой*): ...с «пером» — это вы сами присутствовали или?..

Л.Л.: Я присутствовал, лично. Лично. Причем для того, чтобы этот рассказ, он заставил всех сотрудников

собрать. (*Дувакин усмехается.*) Только когда собрали всех сотрудников, он с этим выступил.

В.Д.: Значит, он отнесся к этому иронически?

Л.Л.: Он отнесся к этому иронически, и не скрыл своей иронии. Да. Потом... Ну, Стеклова я... повторяю, я не видел.

О похоронах Н.Е. Жуковского

Жуковского я видел только в... в этом...

В.Д.: В гробу?

Л.Л.: ...в гробу. Я могу сказать, как... я обратил внимание... Вот некоторую деталь его похорон, что...

В.Д.: И что о нем говорили, может быть, ссылка.

Л.Л.: Ну, похороны были... Я обратил внимание... Об этом в биографии не сказано. Несколько студентов прикатили из... Тогда аэродром был на Ходынке.

В.Д.: На Ходынке.

Л.Л.: Оттуда прикатили к МВТУ фюзеляж самолета, и гроб был на фюзеляж самолета поставлен. Потом, поражало небольшое воинское подразделение. И когда гроб опускали, то раздался залп, ну, значит...

В.Д.: Воинские почести.

Л.Л.: ...ему были возданы воинские почести. Это было в 21-м году, и тогда это был... такое...

В.Д.: ...событие.

Л.Л.: Тогда это обратило внимание. Рассказы, которые я слышал, — главным образом, рассказы о его рассеянности.

В.Д.: Ах, он был рассеян!

Л.Л.: Очень рассеян, и, так сказать... он был один из любимых героев анекдотов о рассеянных профессорах.

В.Д.: Это химик был этот самый (*вместе с Люстерником*) Каблуков*.

* Профессор Московского университета (позднее член-корреспондент АН СССР) Иван Алексеевич Каблуков (1857—1942) отличался феноменальной рассеянностью, которой посвящено множество студенческих легенд и анекдотов.

Л.Л.: А другой... Причем это не выдумано, это он в самом деле был очень рассеян. Вот мне рассказала... Был профессор Млодзеевский, друг Жуковского. Вот невестка Млодзеевского — она еще жива, — она очень многих знала и знает, потому что у Млодзеевского бывали на правах друзей многие... и Эйхенвальд, он... осталось и о Лебедеве еще...

В.Д.: Это какой Эйхенвальд? Юлий?

Л.Л.: Эйхенвальд.

В.Д.: Ах, Эйхенвальд.

Л.Л.: Физик известный.

В.Д.: Не литератор, а...

Л.Л.: Нет, физик.

В.Д.: А, физик был Эйхенвальд?

Л.Л.: Да.

В.Д.: Это я просто...

Л.Л.: Литератора Айхенвальда я не знал, но его дочь была моя сокурсница, Татьяна Юльевна... Татуля ее звали у нас.

В.Д.: Племянник этой Татули сейчас мой приятель*.

* Приятелем В.Д. Дувакина был Юрий Александрович Айхенвальд (1928—1993), внук Ю.И. Айхенвальда и племянник Т.Ю. Айхенвальд («Татули»), прекрасный школьный учитель и театральный критик. В 1940—1950-е гг. Ю.А. Айхенвальд подвергался репрессиям.

Л.Л.: Она рассказала, со слов Млодзеевского уже не анекдот, типа легенды, а вот такой рассказ. Они ехали втроем на извозчике: Жуковский, его сестра и Млодзеевский, остановились около Абрикосовского магазина...

В.Д.: На Тверской.

Л.Л.: На Тверской. Сошли мужчины с саней. Потом сел Жуковский в сани, обнял сестру за талию — раздался крик: он сел не в те сани и обнял постороннюю женщину. (*Дувакин смеется.*) Та удивилась... Ну, это из многочи-и-исленных рассказов.

В.Д.: Расскажите, это интересно тоже.

Л.Л.: Между прочим, он был...

В.Д.: Это фольклор своего рода.

Л.Л.: Да, но это уже не легенда – это рассказ Млодзеевского, который сам присутствовал. Правда, рассказ уже... не мне он рассказывал, а это его невестка рассказывала...

В.Д.: ...вам.

Первая публикация интервью: Люстерник Л.А.. Беседа 26 ноября 1970 года // Математики рассказывают. М.: «Минувшее», 2005. С. 153–173.